

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

ШОПИНГ ПО-ГЕНШТАБОВСКИ

Военспецы и продовольственные спекулянты

Политика «военного коммунизма» и продовольственная диктатура нередко приводили к разнообразным злоупотреблениям в связи с нехваткой продуктов питания. Особенно остро ограничения военного времени ощущали представители элиты, привыкшие к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции. Не случайно именно с близкими к высшему советскому военному руководству военспецами весной 1919 года произошёл один из ярких скандалов, связанных с попыткой контрабанды большого количества дефицитных продуктов.

Главными фигурантами этого дела оказались достаточно приметные личности: родной племянник советского главнокомандующего Иоакима Иоакимовича Вацетиса — 24-летний бывший прапорщик Эрнест Иванович Вацетис, служивший адъютантом у дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов Академии Генштаба бывший капитан Евгений Иванович Исаев. Оба были впоследствии арестованы по «делу» Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР).

Начало этой истории относится к марту 1919 года, когда из Риги в Двинск прибыли три вагона с разнообразным имуществом. Содержимое вагонов 13 марта было поручено досмотреть коменданту штаба армии Советской Латвии Ухенбергу и секретарю политотдела РВС Кисису. В вагоне № 528, находившемся в распоряжении советского главкома (там ехал в качестве начальника вагона его племянник), Ухенберг обнаружил нечто, глубоко его поразившее.

Если верить акту о конфискации, датированному 16 марта, в вагоне перевозили: 500 пачек спичек и 554 отдельных коробки, 31 разбитую коробку, 122 пачки большого и 14 пачек малого размера цикория-ванили, 240 колод русских и 463 колоды германских игральные карт, 7³/₄ фунта русского чая, 12¹/₂ фунта чая плиточного, 46 пачек шнурков для ботинок по 72 пары, всего 3312 пар, 5 пачек клозетной бумаги, около 3 фунтов сахарного песка, около 3 фунтов кофе, свёрток с сушёными овощами — около фунта, 12 пачек сахарина, 80 фунтов германского кофе-суррогата, 1/4 фунта солодового кофе, 3 больших банки томата, банку казённых консервов, 15 бутылочек искусственного мёда, 2 коробки сливочных конфет, 5 фуражек,

26 полубутылок коньяка, одну полубутылку зубровки, 447 бутылок шампанского (разбито 4), 25 бутылок красного вина, 43 бутылки коньяка, около 60 фунтов сливочного масла, 7 свёртков с мукой, крупным горохом и жжёным ячменём для кофе¹. Думается, содержимое вагона способно поразить размахом не только живших в голодном 1919-м, но и наших современников.

Интересно, что нормы вывоза из Советской Латвии в РСФСР тогда составляли фунт сахара, 5 фунтов мяса, 3 фунта масла, 10 фунтов хлеба или 7 фунтов муки, 1/8 фунта чая, 1/2 фунта какао. Также разрешалось вывозить одежду — пальто или шубу, 3 костюма, 6 комплектов белья, 2 пары обуви, 3 шляпы и 4 галстука. Между прочим, вывозимая одежда должна была быть ношеной. Женщинам разрешалось провозить 3 лифчика. Книги можно было вывозить только по специальному разрешению. Вывоз мебели и нешитой материи был запрещён. Впрочем, едущие по служебным делам могли брать с собой больше товаров в соответствии с мандатом².

Обнаруженное было конфисковано и доставлено в кладовую при комендантской части штаба армии Советской Латвии, но акт об этом составлен только через три дня после обыска и конфискации. В этом документе по причинам, вероятно, известным только работникам РВС армии Советской Латвии, не были указаны 1000 сигар (впрочем, в одном из документов говорилось, что они не были изъяты³, но по каким причинам — не указано). Также первоначально указывалось, что в вагоне везли 12 ящиков спиртного. Весь ли провозившийся алкоголь был перечислен в акте при счёте не по ящикам, а по бутылкам — опять-таки неизвестно.

Началось расследование. Эрнест Вацетис и Исаев обвинялись «в незаконном провозе ненормированных предметов со спекулятивной целью»⁴, поскольку документов на право вывоза всего этого богатства у них не оказалось. Чтобы избежать суровой ответственности за спекуляцию, оба фигуранта дела перешли в наступление, упирая в том числе на свои связи на самом вершине советского военного руководства.

Уже в день обыска Исаев отправил телеграфную жалобу председателю РВС армии Советской Латвии К. Х. Данишевскому, в которой указал, что при обыске у него исчез

красный бумажник с 7300 рублями казённых денег и две секретных бумаги доклада по командировке главкому Вацетису⁵. «Пострадавшие» жаловались на «повальный» обыск и конфискацию, причём даже пытались дать законное объяснение наличию у них перевозившихся запасов. В частности, утверждалось, что вино они везли для профилактики эпидемий в Серпухове, где располагался Полевой штаб РВСР, масло покупалось совершенно открыто в присутствии милиции по пути. В одном из документов прямо говорилось, что это были «припасы, купленные при совершенно свободной торговле и для законных потребностей»⁶. Более того, Вацетис и Исаев требовали всё изъятые доставить в Серпухов⁷.

Эти заявления явно противоречили происходившему при обыске, когда пассажиры отказывались от вещей⁸, «никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от контроля были запрятаны под матрасами, запакованы на дне ящиков, корзин и т. д.»⁹. По одной из версий, при обыске и вскрытии купе Исаева присутствовал только Вацетис. Самого Исаева не было, бумажник его при этом не был похищен. Никаких заявлений о незаконности действий властей непосредственно при обыске сделано не было. Несколько очевидцев утверждали, что Вацетис при обыске в купе Исаева тоже не присутствовал¹⁰. То же подтверждал и он сам¹¹.

Вацетис и Исаев путались в показаниях: то заявляли, что продукты и товары нужны были для питания служащих поезда, то для солдатской лавочки 5-го Латышского стрелкового полка, располагавшегося в Серпухове для охраны Полевого штаба. При этом не упоминалось ни про мешок шнурков, ни про корзину с карточными колодами. Позднее утверждалось, что карты приобрёл для своих нужд проводник¹².

17 апреля по этому делу был допрошен Исаев. Он показал: «Я был командирован Главкомом Вацетисом в Ригу 4/III в вагоне, предоставленный (так в документе. — А. Г.) мне № 528 и платформа с автомобилем. В Ригу я прибыл 8 или 9 марта по выполнении определённых военных заданий. В Риге пробыл 3 дня мой вагон с Э. Вацетисом, адъютант Главком[а], т. Вал[ь]тер, 4 чел. охраны, 2 шофёра и 2 проводника, кроме этих людей в вагоне ехал заведывающ[ий] хозяйст[вом]

5 полка Лапшевский и с ним несколько человек, ехали с согласия Главкома. Вагон со всем[и], кроме меня, двинулся из Риги 12/III и остановился по приезде в Двинск на одни сутки, дожидаясь моего приезда, я же задержался в Риге делами службы.

По приезде в Двинск мне доложили, что в вагоне № 528 был обыск и отобрано всё принадлежащее ехавшим.

Из всего отобранного мне принадлежали 37 фунтов масла — куплено для поезда Главкома и лежало у меня в купе, кроме того не оказалось в моём купе после обыска коробки конфет в 1/4 фунта.

Из вещей, отобранных у меня, больше ничего не взято. Но не нашёл у себя в купе по моём возвращении после обыска 7300 р. (семь тысяч триста рублей) в красном бумажнике, в котором, кроме денег, были бумаги всякого рода (удостовер[ения], тел[еграфные?] квитанц[ии], фотогр[афия] отца), всё это: бумажник, документы и деньги в нём исчезли, безусловно, благодаря обыску, кроме того, вместе с бумажником хранились секретные документы, которых также не оказалось. Должен указать, что за 6 часов до отправки вагона из Риги явился комвнуддел¹³ (фамилию не знаю) и, обратившись к Э. Вацетису, заявил, что он должен осмотреть вагон. Вагон им был осмотрен и явившиеся сомнения в законности провозимых вещей им были разрешены совмест[ным] посещ[ением] с Э. Вацет[исом] продов[ольственного] отдела, после чего он, извинившись за беспокойство, не препятствовал движению вагона.

Косвенно я знаю, что вино, приобретённое Э. Вацетисом через продовольств[енный] отдел г. Риги, предназначалось для поезда Главкома по случаю распрост[ранения] эпидемии и помощи лечебным заведениям г. Серпухова.

Также знаю, что заведыв[ающий] хозяйст[вом] 5 полка тоже что-то закупил для солдатской лавки 5 полка.

По своём возвращении в купе вагона я нашёл картину сплошного хаоса — всё было, видимо, перерыто, как будто в каждой щели подозревался нелегальный груз, несмотря на то, что им категорически было указано оставить, в виду моего отсутствия, моё купе в покое¹⁴.

Председатель РВС армии Советской Латвии и председатель ревтрибунала республики Данишевский секретно телеграфировал члену РВСР С. И. Аралову 7 апреля: «Передаю на Ваше усмотрение материал по пово-

ду обыска в вагоне Исаева (здесь и далее — подчёркнуто красным карандашом, видимо, Араловым. — А. Г.). Ясно, что в данном случае имеем дело с попыткой воспользоваться именем и поручением Главкома для приобретения вещей, не подлежащих вывозу из Латвии, и вообще использовать положение в корыстных целях (со слова «попыткой» и до конца предложения подчёркнуто также и синим карандашом. — А. Г.). Говорить в данном случае, что шампанское и коньяк приобретены для борьбы с эпидемией смешно. Игральные карты и пр[очее], наверное (в старом значении этого слова — наверняка. — А. Г.), не приобретались и для лавочки 5го полка, и мне кажется, что во всем этом деле 5ый полк служит только ширмой. Вам лучше, чем кому бы то ни было известно, для чего и для кого предполагались вина, кто виновен в вывозе карт и прочего, это должно выяснять следствие. Не заслуживает внимания заявление Исаева и др[угих] о краже и грабежах при обыске. Обыск был произведён только коммунистами под их личной ответственностью. Что бы вы им [ни] сделали с этим делом, но Эрнест Иванович должен быть удалён из Серпухова. Ему не место около Главкома. Всего хорошего¹⁵.

Эта телеграмма Данишевского вполне сочетается со следующим отрывком из письма Главкома Вацетиса Ленину от 22 сентября 1919-го в период ареста первого: «Доможиров¹⁶, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем реввоенсовета. Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей Армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т. е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу¹⁷. Таким образом, Карл Данишевский был последовательным противником Эрнеста Вацетиса, а, возможно, также и его дяди. Главком, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за всё — от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 года до клеветы на главкома и троцкизма¹⁸.

В защиту пострадавших ещё 19 марта выступил начальник Полевого штаба Ф. В. Костяев. 30 апреля на помощь пришёл и главком Вацетис, сообщивший председателю трибунала при РВСР Аралову, что культурные вина отпускались для санитарной части поезда главкома по его приказу правительством

Советской Латвии безвозмездно (думается, не последнюю роль здесь играли личные связи Вацетиса и его латышское происхождение) для лечения тифа и испанки. Вацетис отметил, что в Риге всё было осмотрено и разрешено к вывозу. В Двинске же по распоряжению штаба армии Латвии на основании предписания члена РВС армии Советской Латвии А. Э. Даумана вина были отобраны. Вацетис просил истребовать вина обратно¹⁹. Рассмотрение дела затянулось до августа, оно шло параллельно с арестами в Полевом штабе в мае—июле и со следствием по «делу Полевого штаба РВСР.

1 мая следствие во главе с военным следователем С. В. Пузицим было вынуждено констатировать, что закупки вина действительно шли для солдатской лавки 5-го полка и поезда главкома Вацетиса и не являлись спекуляцией. Возможно, это решение было вынесено под влиянием вмешательства главкома²⁰.

Что же с остальным конфискатом? Следователь подошёл к этому вопросу основательно. В частности, 7 мая он навёл справки у врача Полевого штаба, являлись ли лечебным средством коньяк и шампанское²¹. Врач сообщил, что коньяк полезен при слабости и упадке питания, а шампанское — при тяжёлых заболеваниях, где имелась сердечная слабость²².

В итоге всё кончилось ничем. Уже 24 июня сам обыскивавший вагон Ухенберг был привлечён к ответственности. 7 августа 1919 года ревтрибунал постановил, что при обыске им были нарушены элементарные правила, в результате чего виновных в злоупотреблениях обнаружить не удалось. Это было поставлено ему на вид, а дело прекращено²³.

Бытовая сторона жизни военспецов в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и вело к подобным злоупотреблениям. Эта история не повлияла на положение главкома Вацетиса, с которым были тесно связаны фигуранты дела. Участь главкома, его племянника и генштабиста Исаева была предreshена в связи с «делом» Полевого штаба, в рамках которого все они были арестованы в июле 1919 года. На фоне ожесточённой борьбы группировок в советском военно-политическом руководстве история с возможными, но труднодоказуемыми злоупотреблениями в окружении главкома оказалась не столь значимой и отошла на второй план.

Примечания

1. РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 8.
2. Там же. Л. 57.
3. Там же. Л. 23.
4. Там же. Л. 1а.
5. Там же. Л. 13.
6. Там же. Л. 19 об.
7. Там же. Л. 20.
8. Там же. Л. 53 об.
9. Там же. Л. 23.

10. Там же. Л. 35 об., 37 об.

11. Там же. Л. 40.

12. Там же. Л. 60 об.

13. Комиссар внутренних дел. — А. Г.

14. РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 41 об.—42 об.

15. Там же. Л. 2—3.

16. Доможиров Николай Николаевич (31.10.1886—1922) — военный специалист РККА. Последнее звание в старой

армии — капитан. Участник Первой мировой войны. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917—1918). Начальник штаба Западного фронта (19.02—26.05.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован без предъявления обвинения (02/03.07—07.11.1919).
17. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 3. Публикацию документа см.: Жалобы

арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? Публ. А. В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42—43.
18. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4—5.
19. Там же. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.
20. Там же. Л. 50 об.
21. Там же. Л. 52.
22. Там же. Л. 52 об.
23. Там же. Л. 68.